

Ominayashi

*Небо и дождь над
Хиллдорфом*

Ominayashi

Небо и дождь над Хиллдорфом

«Автор»

2026

Ominayashi

Небо и дождь над Хиллдорфом / Ominayashi — «Автор», 2026

Хиллдорф — маленький городок между двумя холмами, где магия есть у каждого жителя, как цвет глаз или привычка спать на левом боку. Булочник уговаривает тесто подниматься щелчками пальцев, цветочница терпит бесконечные жалобы цветов на сквозняки, часовщик знает время до секунды — и от этого невыносим. Но настоящая местная достопримечательность — это двое: Синий, управляющий небом, и Хмурая, управляющая дождём. Он может разогнать облака и раскрасить закат, она — вызвать ливень по заказу или превратить капризы погоды в изящную месть. Их вечный конфликт жители Хиллдорфа наблюдают с удовольствием и лёгким раздражением, как наблюдают за ссорой соседей, которая слишком затянулась, чтобы не быть чем-то большим. Уютная сказка о том, как двое самых упрямых волшебников города медленно узнают, что дождь и небо всегда делят одну вертикаль — и что конфликт, длящийся годами, иногда всего лишь самый долгий способ познакомиться.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Небо и дождь над Хиллдорфом

Небо и Дождь над Хиллдорфом

Глава 1. Город, где магия — это так же обыденно, как утренний кофе

Хиллдорф лежал в ложбине между двумя невысокими, но упрямыми холмами, словно кот, который нашёл единственное тёплое место на холодном полу и теперь отказывается сдвинуться ни на вершок. Утром над городом поднимался туман — но не простой, а живой, ленивый, с характером; он не спешил рассеиваться, а слонялся по узким улочкам, заглядывал в окна, принимался к выпечке и только к полудню, устав от собственного бесцельного существования, нехотя растворялся в воздухе.

Городок был невелик — пять тысяч жителей, не больше, — но каждый из них, повторяю, каждый, обладал собственной магией. Это было не чем-то особенным, не даром, не наказанием — просто фактом, таким же, как цвет глаз или привычка спать на левом боку. Магия в Хиллдорфе была повсеместной, как пыль, и такой же неустранимой.

Булочник господин Трюффель умел заставлять любое тесто думать, что оно уже подошло, — ему достаточно было трижды щёлкнуть пальцами над миской и прошептать: «Ну же, ну же, пора». Тесто вздрагивало, пытело и поднималось за считанные минуты. Цветочница фрау Лилькен могла разговаривать с цветами — не в метафорическом смысле, а в самом прямом: они ей отвечали. Правда, чаще всего жаловались на сквозняки и нехватку солнца, так что фрау Лилькен не столько наслаждалась своим даром, сколько страдала от бесконечного цветочного нытья и придирок. Старый часовщик мастер Циффер владел магией точного времени — он всегда, до секунды, знал, который час, в любом месте и при любых обстоятельствах, что делало его одновременно самым пунктуальным и самым невыносимым человеком в городе. Мальчишка по имени Кнопф — ему было одиннадцать, и он ещё не решил, кем будет, когда вырастет, — умел находить потерянные вещи, но только те, которые потеряли не специально. Если ты спрятал вещь нарочно — Кнопф пасовал. Если же ты искренне забыл, куда положил ключи, — мальчик приходил, закатывал глаза, бормотал что-то невнятное и через минуту указывал точное место. Никто не знал, как он это делает, и сам он, кажется, тоже.

Но речь пойдёт не о них.

Речь пойдёт о двух людях, чья магия была больше, причудливее и несчастливее всех остальных, — и чей вечный конфликт сделался в Хиллдорфе чем-то вроде местной достопримечательности, на которую показывают приезжим, покачивая головой и говоря: «Да, опять они».

Синий управлял небом.

Не в том смысле, в каком это может показаться впечатлительному читателю, вообразившему себе бога-громовержца на золотом троне. Нет. Синий был невысоким, сутуловатым мужчиной лет тридцати пяти, с лицом, которое казалось бы совершенно обычным, если бы не глаза — серо-голубые, прозрачные, словно в них налили дождевую воду, а потом забыли вылить. Он жил на верхнем этаже единственной в Хиллдорфе пятиэтажной башни — не дом, а именно башня, узкая и упрямая, как вытянутый палец, — и каждое утро выходил на плоский плетёный балкон и принимался за работу.

Его магия заключалась в следующем: он мог по своей воле менять состояние небесной сферы над городом. Он мог разогнать облака — и они послушно расступались, обнажая синеву, такую глубокую и чистую, что смотреть в неё было почти больно, как в слишком честные глаза. Он мог собрать облака — и они слетались со всех сторон, послушные, как перепуганные голуби, и складывались в любые формы, какие он пожелает: в замки, в китов, в длинные

ленты, похожие на реки, текущие по невидимому руслу. Он мог вытянуть из облаков тени, мог окрасить их в закатный пурпур или рассветный перламутр, мог заставить небо дышать — медленно, ритмично, так, что казалось, над городом поднимается и опускается невидимая грудная клетка.

Ритуал его утренней магии был неизменен. Синий выходил на балкон в одной рубашке — зимой и летом, потому что холод и жара были для него понятиями относительными, — брал в левую руку глиняную чашку с горьким травяным отваром (он не любил чай, но пил что-то горячее по привычке, чтобы руки занять), а правую руку медленно поднимал перед собой, растопырив пальцы. Потом он начинал двигать пальцами — мелко, точно, как будто перебирал невидимые нити, — и небо над Хиллдорфом отзывалось. Облака дрожали, смещались, меняли форму. Иногда он шептал слова — тихо, почти беззвучно, — и те, кто стоял достаточно близко (а близко стоять никто не любил, потому что Синий не любил близости), могли разобрать что-то вроде: «Туда... нет, правее... стой... вот так. Вот так хорошо».

Он был несчастлив. Не в том густом, тяжёлом смысле, в котором бывают несчастны люди, у которых случилась беда. Нет, его несчастье было тоньше, суше — как осенний лист, который ещё держится на ветке, но уже знает, что держится зря. Синий был несчастлив потому, что каждый вечер, когда он заканчивал работу и опускал руку, небо над городом переставало быть его. Оно снова становилось просто небом — равнодушным, огромным, безразличным. И в эти минуты он чувствовал себя так, словно вся его магия была не даром, а всего лишь способом наводить порядок в чужой квартире.

А Хмурая управляла дождём.

Она жила на противоположном конце города, в приземистом тёмном доме с покосившейся крышей, утопающем в зарослях жимолости и каприфоли, которые, казалось, росли не столько из земли, сколько из самого дома, словно он был не построен, а пророс. Хмурая была моложе Синего — выглядела она на двадцать три, на двадцать четыре, она сама не знала точно, потому что не придавала этому значения. У неё были тёмные, почти чёрные волосы, которые она носила распущенными, и привычка смотреть исподлобья, из-за чего получила своё прозвище — никто в Хиллдорфе не помнил её настоящего имени, а может быть, и она сама.

Её магия: она могла вызвать дождь. Не бурю, не грозу, не ливень — именно дождь. Мягкий, настойчивый, бесконечный. Дождь, который начинается незаметно — с нескольких капель, словно небо проверяет, готова ли земля, — а потом разгуляется, разойдётся, зашумит в листве, забарабанит по карнизам, потечёт по водосточкам, наполнит лужи, поднимет запах мокрой земли — тёмный, сладкий, от которого что-то сжимается в груди, — и будет идти, и идти, и идти, пока Хмурая не решит, что довольно.

Её ритуал был иным. Она выходила не на балкон (балкона у неё не было), а в сад — босиком, в тонком платье, не глядя ни на кого, — и садилась прямо на землю, на траву, под старой яблоней. Клала ладони на землю, закрывала глаза и начинала тихонько напевать. Не мелодию даже — скорее узор из звуков, что-то среднее между колыбельной и плачем, и воздух вокруг неё густел, темнел, наполнялся влагой. Земля под её ладонями холодела. Трава выпускала капли росы — но не утренней, а тяжёлой, преждевременной, словно земля плакала впереди времени. И потом — первой капля падала ей на макушку. Хмурая не открывала глаз. Она знала, что это начало. И дождь начинался.

Они не ладили.

Это, впрочем, было мягко сказано. Они не просто не ладили — они мешали друг другу существовать, как два соседа, из которых один любит громкую музыку по утрам, а другой — тишину по вечерам, и оба твёрдо убеждены, что справедливость на их стороне.

Синий хотел ясного неба. Хмурая хотела дождя. Каждое утро Синий разгонял облака, и каждый вечер Хмурая собирала их обратно. Каждый раз, когда Синий выстраивал в небе замок из перистых облаков — аккуратный, воздушный, с башнями и мостами, — Хмурая топила

его своим дождём, размывала очертания, превращала замок в серую кашу. Каждый раз, когда Хмурая начинала свой ритуал в саду, Синий посылал ветер — не сильный, но упрямый, — который рвал её песню на клочки, не давал дождю собраться, разносил капли по ветру, так что они падали не вниз, а вбок, и смешно, бессмысленно били в окна, как пьяные мотыльки.

Город привык. Город всегда привыкает.

Глава 2. Жители, которым надоело

Первой не выдержала фрау Лилькен.

Она пострадала первой и больше всех — потому что цветы говорили с ней, а цветы, как известно всякому, кто умеет их слушать, терпеть не могут перемен. Сначала солнце, потом дождь, потом опять солнце, потом ветер — какой угодно цветок от такого режима впадёт в уныние, а некоторые и вовсе сбросят бутоны, что у цветов считается жестом последнего отчаяния. Фрау Лилькен выслушивала их жалобы каждый день, и каждый день её собственное настроение опускалось на одну отметку ниже, пока не достигло точки, за которой, как она решила, начинается то, что в других городах называют нервным срывом, а в Хиллдорфе — «магическим истощением от чужого безобразия».

— Что-то надо делать, — сказала она, явившись к господину Трюффелю в пекарню.

Господин Трюффель как раз заставлял тесто думать, что оно — не тесто, а облако (это был его секретный приём для воздушных булочек, и он никому его не раскрывал, так что, пожалуйста, не говорите, что я вам рассказала).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.